

Цена 20 коп.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Литературная газета

ОГРН 1051900000001
ОРГАН ОРГКОМИТЕТА СОЮЗА
СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР и РСФСР

№ 78 (394)

20 ИЮНЯ 1934 ГОДА

ВЫХОДИТ ЧЕРЕЗ ДЕНЬ

ВЕЛИКИЙ ДЕНЬ ВЕЛИКОЙ СТРАНЫ

ФОТО С. ШИНГАРЕВА

ЖИЗНИ НАШИ ПРИНАДЛЕЖАТ ПАРТИИ, ДЕЛУ ПАРТИИ — СОЦИАЛИЗМУ.
С ВОСТОРГОМ МЫ ЖДЕМ ЗАДАНИЙ ПАРТИИ И ПРАВИТЕЛЬСТВА, ЧТОБЫ РИ-
НУТЬСЯ В НОВЫЕ СХВАТКИ СО СТИХИЕЙ АРКТИКИ ИЛИ В БОЕВОЙ ОГОНЬ,
КУДА ПОВЕДЕТ ПАРТИЯ, КУДА ПОВЕДЕШЬ ТЫ, НАШ КАПИТАН СТРАНЫ
СОВЕТОВ, — СТАЛИН.

(Из письма членов Арктической партии тов. Сталину)

Д О Р О Г А Ц В Е Т О В

Как создавался Робинзон? Он со-
здалась смело. Писатель следовал
классическим образцам, а редактор
требовал, чтобы Робинзон был окру-
жен количеством Пигници, достаточ-
ным для создания крепкого профес-
сионального коллектива. Редактор требо-
вал общественную работу. В этом видел он здоровую занимательность.

Читатель смеялся: Какая же обще-
ственная работа на необитаемом острове вовсе не требуется вести общественную ра-
боту?

А на льдине?

Ильф и Петров не должны оби-
заться. Говорят, искусство сюжета за-
ключается в том, чтобы неожидан-
ным поворотом действия по-новому
показать события и героеv. Выходит,
что наше время на этот счет много
изобретательнее, чем даже талантли-
вые и умные писатели.

Что же было на льдине?

Познание, как известно, движется
направлением опыта. Если в первом
случае действительность изучается
во всем многообразии случайно-
стей и привходящих обстоятельств,
то во втором — эх, нет слов! в вагоне, —
во втором случае объект ис-
кусственно изолируется, становится в
условия, максимально благоприятные
для выявления его качеств.

Что ж, Отто Юльевич и доблест-
ные его соратники были изолированы
достаточноочно. Условия для
выявления их качеств были весьма
благоприятны. Весь мир следил за
ходом небывалого этого эксперимента. Результат его оказался столь опре-
деленен, что не оставил возможности
для двух толкований. Пытаемся сти-
хийными, большевиками остались больши-
виками.

Много замечательных сторон отме-
тили будущий историк в эпохе, кото-
рая, вероятно, будет названа член-
скиной. Беспримечательную работу пра-
вительства и партии во главе с вели-
ким Сталином о своих смелых си-
нах. Поразительная, отважная и ис-
кусство летчиков. Блестящее пред-
монтированное техническое мыш-
ление советского воздушного флота и мно-
гие другие. Но что больше всего тро-
гает современника, что заставляет

утра собирались рабочие и колхоз-
ники окрестных селений. Членоскины
неизменно выходили из вагона. А
два месяца на льдине не были кудром-
том. В поезде был специальный вагон
для больных и он не пустовал. Подумав,
решили установить дежурные
brigades для отважных приветствий,
а свободным от дежурств было
внушительно сказано, что режим, ре-
жим, дорогие друзья! Поберегите свое
здоровье, потому что Арктика-то еще
не завоевана до конца!

Большевики остались большевика-
ми. Ничего необычного не было в ме-
тодах, скреплявших и воодушевлявших
этот замечательный коллектив. Проводили
собрания. Выходила сте-
ногазета, как выходит она в любой
мелчайшей клеточке того гигантского
организма, который называется
Советской страной. В стенгазете не
ругали завхоза, потому что он погиб,
моложе веселый Могилевич, траги-
чески, пелено погиб; но когда-нибудь
в ней ругали. Шла учеба. А почему
бы ей и не идти? Читались доклады
о социалистическом соревновании,
превращающее труд в дело чести, до-
бести и геройства для победившего
пролетариата. — социалистическое сорев-
нование действовало и на дрей-
фующей льдине.

Страна узнала в героях себя. Вот
так и мы в нашем цехе, фабрике, кол-
хозе! Пускай в героях облик совет-
ского человека был выражен наибо-
лее полно, — он не изменился от
этого. Узнав ее в героях, страна
приветствовала их бесконечно тепло.

Может быть, история знала триумфы
более пыльные, но не знала более иск-
ренних, любовных, нежных.

Страна узнала в героях себя. Вот
так и мы в нашем цехе, фабрике, кол-
хозе! Пускай в героях облик совет-
ского человека был выражен наибо-
лее полно, — он не изменился от
этого. Узнав ее в героях, страна
приветствовала их бесконечно тепло.

Может быть, история знала триумфы
более пыльные, но не знала более иск-
ренних, любовных, нежных.

Членоскины знали, что родина лю-
бит их и горится ими, но такого —
принятое ими — не ожидала. Они
даже растерялись немного. Ни первых
станиц они выходили все и улы-
бались, радостно, в ораторствовали
долго, думая про себя, что вот
какие попадаются замечательные
станицы и какие экспансивные
станицы. Но так повторилось
и десять и множество раз. Пое-
де что ветер такое прозрачное,

и членоскины неизменно выходили из вагона. А
два месяца на льдине не были кудром-
том. В поезде был специальный вагон
для больных и он не пустовал. Подумав,
решили установить дежурные
brigades для отважных приветствий,
а свободным от дежурств было
внушительно сказано, что режим, ре-
жим, дорогие друзья! Поберегите свое
здоровье, потому что Арктика-то еще
не завоевана до конца!

В вагонах лихорадочно укладывали-
вались. Проделав путь от Владивосто-
ка до Москвы, членоскины поехали
к сердцу страны. Им предстоял вели-
кий день. Они много ожидали, но
все, чего они ждали, бледно по срав-
нению с тем, что ждало их. За не-
сколько вперед от Москвы толпа сту-
пила, утолщилась до нескольких
метров. Крики сливались в мощный
приветственный гул. Знакомые зла-
ния... Москва.

И вот они выходят из вагонов.

Онты гремят музыка, онят вагон
самолеты над поездом, опять ве-
сти приветственные крики толпы. Оста-
новка? Нет, путь окончен. Уже об-
нимают Шмидта. Куйбышев, столи-
ца великого сделавшего для спасения чело-
века, потом С. С. Каменев, потом
Литвинов. Сколько знакомых лиц!

Здесь те, кто славной работой устано-
вил призраки, или на панте, или на письменном

столе завоевал себе почетное

звание знатного человека Советской

страны. Здесь лучшие ударники, из-

вестные писатели, командиры, ху-

дожники, учёные, которых гордят-
ся столица. Кто-то плачет в толпе.

Имя? Это — близкие Слипиков много-
го было пережито ими: едва ли

мысливые они перечувствовали, чем те,

что мужественно боролись со льдами

Чукотского моря.

Членоскины выходят на площадь.

С митингом придется покрещи-
нить. Путь не кончен. Героев ожидают
митинги. Это лучше из машин,

которыми расплатаются Москва.

Машины украшены живыми цветами.

Они перевешаны гирляндами, увенчаны

букетами, завалены зеленью. Они

блестят и блаженствуют.

Начинается последний отрезок пу-
ти, наиболее патетический, быть может.

Сколько тепла нашла Москва в

своем большом сердце! Медленно, в

несколько рядов, передвигаются ма-
шинисты по классу лавала силу че-
леноскинам.

Что простор героям в

нашей стране — вперед! Что только

руководство партии и великий Ста-

лин могло создать массовый геро-

изм.

Онты вспоминают, что один из те-

ористов и умница Слепцов? — сказал, что

и завтра в заднем вагоне притаился

оркестр и жарил всю дорогу без па-
узы. Летали аэропланы на поз-
иции. Опять казалось, что один из те-

ористов и умница Слепцов? — сказал, что

и завтра в заднем вагоне притаился

оркестр и жарил всю дорогу без па-
узы. Летали аэропланы на поз-
иции. Опять казалось, что один из те-

ористов и умница Слепцов? — сказал, что

и завтра в заднем вагоне притаился

оркестр и жарил всю дорогу без па-
узы. Летали аэропланы на поз-
иции. Опять казалось, что один из те-

ористов и умница Слепцов? — сказал, что

и завтра в заднем вагоне притаился

оркестр и жарил всю дорогу без па-
узы. Летали аэропланы на поз-
иции. Опять казалось, что один из те-

ористов и умница Слепцов? — сказал, что

и завтра в заднем вагоне притаился

оркестр и жарил всю дорогу без па-
узы. Летали аэропланы на поз-
иции. Опять казалось, что один из те-

ористов и умница Слепцов? — сказал, что

и завтра в заднем вагоне притаился

оркестр и жарил всю дорогу без па-
узы. Летали аэропланы на поз-
иции. Опять казалось, что один из те-

ористов и умница Слепцов? — сказал, что

и завтра в заднем вагоне притаился

оркестр и жарил всю дорогу без па-
узы. Летали аэропланы на поз-
иции. Опять казалось, что один из те-

ористов и умница Слепцов? — сказал, что

и завтра в заднем вагоне притаился

оркестр и жарил всю дорогу без па-
узы. Летали аэропланы на поз-
иции. Опять казалось, что один из те-

ористов и умница Слепцов? — сказал, что

и завтра в заднем вагоне притаился

оркестр и жарил всю дорогу без па-
узы. Летали аэропланы на поз-
иции. Опять казалось, что один из те-

ористов и умница Слепцов? — сказал, что

и завтра в заднем вагоне притаился

оркестр и жарил всю дорогу без па-
узы. Летали аэропланы на поз-
иции. Опять казалось, что один из те-

ористов и умница Слепцов? — сказал, что

и завтра в заднем вагоне притаился

оркестр и жарил всю дорогу без па-
узы. Летали аэропланы на поз-
иции. Опять казалось, что один из те-

ористов и умница Слепцов? — сказал, что

и завтра в заднем вагоне притаился

оркестр и жарил всю дорогу без па-
узы. Летали аэропланы на поз-
иции. Опять казалось, что один из те-

ористов и умница Слепцов? — сказал, что

и завтра в заднем вагоне притаился

оркестр и жарил всю дорогу без па-
узы. Летали аэропланы на поз-
иции. Опять казалось, что один из те-

ористов и умница Слепцов? — сказал, что

и завтра в заднем вагоне притаился

оркестр и жарил всю дорогу без па-
узы. Летали аэропланы на поз-
иции. Опять казалось, что один из те-

ористов и умница Слепцов? — сказал, что

и завтра в заднем вагоне притаился

оркестр и жарил всю дорогу без па-
узы. Летали аэропланы на поз-
иции. Опять казалось,

БОЕВОИ ОТРЯДЫ СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ОТКРЫЛСЯ ПЕРВЫЙ ВСЕУКРАИНСКИЙ С'ЕЗД СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

По телеграфу от нашего специального корреспондента

ХАРЬКОВ, 18 июня. Вчера в temporary зале дома Красной армии открылся первый всеукраинский съезд советских писателей. Вместительный зал полон делегатами, съехавшимися со всех концов Украины, гостями — работниками харьковских предприятий, литераторами, представителями Красной армии, работниками искусства и др.

На съезде присутствуют зав. културном ЦК ВКП(б) т. Степан, секретарь ЦК КП(б) т. Попов, зав. културном ЦК КП(б) т. Киплер, наркомом УССР т. Загорин, от Всеукраинского Оргкомитета СССР: тт. Юдин, Гладков, Болотников, Безыменский, Сефулини, Ромашов, Альтман, председатель ЦК союза печатников т. Марков.

Съезд открыл короткий вступительный слово председатель Оргкомитета СССР Украины т. Кунин. Съезд избрал председателем в составе 39 человек. Полные аплодисменты съезд стоял избирателю почетному президиуму ЦК ВКП(б) и ЦК КП(б) т. Тельману, Димитрову, Барбоса, Горького. Почетным председателем съезда под овации всего зала избирается А. М. Горький. Шумными аплодисментами встречает съезд появившуюся в президиуме Параскеву Ди- митрову.

Секретарь ЦК КП(б) т. Н. Н. Попов, приветствует съезд от имени ЦК, отмечает, что украинская литература последнего периода имеет значительные достижения. Однако их не следует переоценивать. Украинская проза и поэзия еще сильно отстают. Она может и обязана дать гораздо больше. Несмотря на высокий уровень литературной критики не сумевшей своевременно вскрыть контролированные националистические тенденции этих людей, как Хилдей и Остап Вишня.

Правильные писатели в творческой борьбе в большинстве борются со всеми чужими вспышками, в борьбе с художниками и занавесистами, т. Попов выражает уверенность, что съезд про-

дет под знаком самокритики, вскроет все недочеты и поможет поднять литературу советской Украины на более высокую ступень.

Параскева Димитрова передает съезду свое восхищение достижениями Советского союза во всех областях. Эти достижения должны быть воплощены в литературных произведениях. Советская литература должна служить орудием борьбы за мирную революцию. Параскева Димитрова призывает писателей отразить в своих произведениях страдания пролетарских матерей, чьи дети томятся в капиталистических застенках.

Съезд выступил с общирным выступлением т. Юдина, подчеркивая, что украинская литература пришла на свой первый съезд с большими достижениями. Литература советской Украины занимает виднейшее место в союзной литературе. Многие произведения украинских писателей переведены на русский язык, имена тт. Кунину, Микитенко, Тычину, Первомайского, Корничука, Панчу, Копыльским и др. широко известны всему Союзу. Украинская литература есть что продемонстрировать на всеобщем съезде советских писателей. вся союзная литература поднялась на высокую ступень. Создана новая тематика, целиком возвращающаяся к своему первому значению — политическое значение советской литературы, возвращение ее на миллионы масс читателей. Революционные писатели капиталистических стран учатся у наших писателей, как нужно оружием художественного слова защищать интересы рабочего класса.

Перед нами, — говорит т. Юдин, — стоят огромные задачи: борьба за высокое качество художественной литературы, высокую художественную форму, необходимость упорной систематической работы в целях улучшения и расширения сроков знаний во всех областях, борьба за качество языка художественного произведения. Отме-

чает значительное отставание критики, призывающей преодолеть его. т. Юдин подробно останавливается на повестке всеобщего съезда, его огромном значении, подчеркивает необходимость самой гигантской подготовки к нему всех национальных литературу. Украинский съезд, — заканчивает т. Юдин, — историческая веха на пути к дальнейшим победам, имеющим огромное значение для всей союзной литературы.

Съезд принял остроумное выступление т. Гладкова, секретаря ЦК КП(б) т. Тельмана, Димитрова, Барбоса, Горького. Почетным председателем съезда под овации всего зала избирается А. М. Горький. Шумными аплодисментами встречают съезд появившуюся в президиуме Параскеву Ди- митрову.

Секретарь ЦК КП(б) т. Н. Н. Попов, приветствует съезд от имени ЦК, отмечает, что украинская литература последнего периода имеет значительные достижения. Однако их не следует переоценивать. Украинская проза и поэзия еще сильно отстают. Она может и обязана дать гораздо больше. Несмотря на высокий уровень литературной критики не сумевшей своевременно вскрыть контролированные националистические тенденции этих людей, как Хилдей и Остап Вишня.

Правильные писатели в творческой борьбе в большинстве борются со всеми чужими вспышками, в борьбе с художниками и занавесистами, т. Попов выражает уверенность, что съезд про-

дет под знаком самокритики, вскроет все недочеты и поможет поднять литературу советской Украины на более высокую ступень.

Параскева Димитрова передает съезду свое восхищение достижениями Советского союза во всех областях. Эти достижения должны быть воплощены в литературных произведениях. Советская литература должна служить орудием борьбы за мирную революцию. Параскева Димитрова призывает писателей отразить в своих произведениях страдания пролетарских матерей, чьи дети томятся в капиталистических застенках.

Съезд выступил с общирным выступлением т. Юдина, подчеркивая, что украинская литература пришла на свой первый съезд с большими достижениями. Литература советской Украины занимает виднейшее место в союзной литературе. Многие произведения украинских писателей переведены на русский язык, имена тт. Кунину, Микитенко, Тычину, Первомайского, Корничука, Панчу, Копыльским и др. широко известны всему Союзу. Украинская литература есть что продемонстрировать на всеобщем съезде советских писателей. вся союзная литература поднялась на высокую ступень. Создана новая тематика, целиком возвращающаяся к своему первому значению — политическое значение советской литературы, возвращение ее на миллионы масс читателей. Революционные писатели капиталистических стран учатся у наших писателей, как нужно оружием художественного слова защищать интересы рабочего класса.

Перед нами, — говорит т. Юдин, — стоят огромные задачи: борьба за высокое качество художественной литературы, высокую художественную форму, необходимость упорной систематической работы в целях улучшения и расширения сроков знаний во всех областях, борьба за качество языка художественного произведения. Отме-

чает значительное отставание критики, призывающей преодолеть его. т. Юдин подробно останавливается на повестке всеобщего съезда, его огромном значении, подчеркивает необходимость самой гигантской подготовки к нему всех национальных литературу. Украинский съезд, — заканчивает т. Юдин, — историческая веха на пути к дальнейшим победам, имеющим огромное значение для всей союзной литературы.

Съезд принял остроумное выступление т. Гладкова, секретаря ЦК КП(б) т. Тельмана, Димитрова, Барбоса, Горького. Почетным председателем съезда под овации всего зала избирается А. М. Горький. Шумными аплодисментами встречают съезд появившуюся в президиуме Параскеву Ди- митрову.

Секретарь ЦК КП(б) т. Н. Н. Попов, приветствует съезд от имени ЦК, отмечает, что украинская литература последнего периода имеет значительные достижения. Однако их не следует переоценивать. Украинская проза и поэзия еще сильно отстают. Она может и обязана дать гораздо больше. Несмотря на высокий уровень литературной критики не сумевшей своевременно вскрыть контролированные националистические тенденции этих людей, как Хилдей и Остап Вишня.

Правильные писатели в творческой борьбе в большинстве борются со всеми чужими вспышками, в борьбе с художниками и занавесистами, т. Попов выражает уверенность, что съезд про-

В издательстве «Советская литература» в скором времени выходит книга Исаака Бабеля «Повесть». Помещаем иллюстрации к книге худ. Н. Денисовского (справа два рисунка) и худ. А. Козлова (рисунки слева).

„ВОЗВРАЩЕНИЕ ИЗ КОЛОНИИ ЧАД“

В творческой биографии писателя наступает иногда такой момент — перечесение всех ценностей, в свете которой его эволюция, как художника и мыслителя, приобретает окончательную стройность. Тогда, перечитывая его книги, открываешь в них, если не элементы нового смысла, то, во всяком случае, элементы нового соотношения прошлого писателя с его настоящим и будущим.

Вероятно, Андре Жид, оглядываясь сегодня на свое творческое прошлое, по-новому расценивает каждую из своих прежних книг, которая или уводила его в сторону от единственно правильного пути или приближала его к нему. Сегодня Андре Жид решительно встал на этот правильный путь — практического участия в борьбе за социализм. Сеголе Андре Жид обращен всей силой своего гигантского творческого сознания в нашу сторону. И, используя, перечитывая книги Жида, не увидеть в них те черты, которые в свое время казались, может быть, случайными, но на самом деле, закономерно накапливавшиеся, попытавшиеся его неизбежный разрыв с буржуазной культурой?

Именно эта книга, не укладываясь в явную схему роста писателя, построенную на количественном анализе элементов его творчества, раскрывается как один из самых значительных документов его внутреннего брожения, которое, постепенно осложнявшись, проявилось в конечном счете в решительном разрыве Жида со своим классом и его культурой.

Необходимо, как это иногда делается в частности в предисловии И. Анисимова к «Возвращению из колонии Чад» — рассматривать Жида обраченным всей силой своего гигантского творческого сознания в нашу сторону. И если, используя в единой и той же плоскости — как активное выступление писателя с разоблачением колониального рабства. Для обеих книг в совокупности это, бесспорно, наиболее сильная черта, которая, будучи даже смягченной привкусом буржуазного либерализма, остается в то же время — сплошные события, если измерить факты не меркой их голности для «интриги», а их внутренней значительностью и новизной. Сюжетной линии могла быть поездка, как таковая, но как раз мелкие происшествия этого поезда — болезни, вынужденные возращения и т. д. — менее всего останавливают на себе внимание читателя, целиком поглощенное описанием той жизни, новизна которой доказалась для Жида столом, охотом, Жид — пущенными пропажами Жида в своем дневнике, каждый день путешествия, где подводные камни, мели, как будто проходили подъюнилья, а также сюжетами, и в то же время — сплошные события, если измерить факты не меркой их голности для «интриги», а их внутренней значительностью и новизной. Сюжетной линии могла быть поездка, как таковая, но как раз мелкие происшествия этого поезда — болезни, вынужденные возращения и т. д. — менее всего останавливают на себе внимание читателя, целиком поглощенное описанием той жизни, новизна которой доказалась для Жида столом, охотом, Жид — пущенными пропажами Жида в своем дневнике, каждый день путешествия, где подводные камни, мели, как будто проходили подъюнилья, а также сюжетами, и в то же время — сплошные события, если измерить факты не меркой их голности для «интриги», а их внутренней значительностью и новизной. Сюжетной линии могла быть поездка, как таковая, но как раз мелкие происшествия этого поезда — болезни, вынужденные возращения и т. д. — менее всего останавливают на себе внимание читателя, целиком поглощенное описанием той жизни, новизна которой доказалась для Жида столом, охотом, Жид — пущенными пропажами Жида в своем дневнике, каждый день путешествия, где подводные камни, мели, как будто проходили подъюнилья, а также сюжетами, и в то же время — сплошные события, если измерить факты не меркой их голности для «интриги», а их внутренней значительностью и новизной. Сюжетной линии могла быть поездка, как таковая, но как раз мелкие происшествия этого поезда — болезни, вынужденные возращения и т. д. — менее всего останавливают на себе внимание читателя, целиком поглощенное описанием той жизни, новизна которой доказалась для Жида столом, охотом, Жид — пущенными пропажами Жида в своем дневнике, каждый день путешествия, где подводные камни, мели, как будто проходили подъюнилья, а также сюжетами, и в то же время — сплошные события, если измерить факты не меркой их голности для «интриги», а их внутренней значительностью и новизной. Сюжетной линии могла быть поездка, как таковая, но как раз мелкие происшествия этого поезда — болезни, вынужденные возращения и т. д. — менее всего останавливают на себе внимание читателя, целиком поглощенное описанием той жизни, новизна которой доказалась для Жида столом, охотом, Жид — пущенными пропажами Жида в своем дневнике, каждый день путешествия, где подводные камни, мели, как будто проходили подъюнилья, а также сюжетами, и в то же время — сплошные события, если измерить факты не меркой их голности для «интриги», а их внутренней значительностью и новизной. Сюжетной линии могла быть поездка, как таковая, но как раз мелкие происшествия этого поезда — болезни, вынужденные возращения и т. д. — менее всего останавливают на себе внимание читателя, целиком поглощенное описанием той жизни, новизна которой доказалась для Жида столом, охотом, Жид — пущенными пропажами Жида в своем дневнике, каждый день путешествия, где подводные камни, мели, как будто проходили подъюнилья, а также сюжетами, и в то же время — сплошные события, если измерить факты не меркой их голности для «интриги», а их внутренней значительностью и новизной. Сюжетной линии могла быть поездка, как таковая, но как раз мелкие происшествия этого поезда — болезни, вынужденные возращения и т. д. — менее всего останавливают на себе внимание читателя, целиком поглощенное описанием той жизни, новизна которой доказалась для Жида столом, охотом, Жид — пущенными пропажами Жида в своем дневнике, каждый день путешествия, где подводные камни, мели, как будто проходили подъюнилья, а также сюжетами, и в то же время — сплошные события, если измерить факты не меркой их голности для «интриги», а их внутренней значительностью и новизной. Сюжетной линии могла быть поездка, как таковая, но как раз мелкие происшествия этого поезда — болезни, вынужденные возращения и т. д. — менее всего останавливают на себе внимание читателя, целиком поглощенное описанием той жизни, новизна которой доказалась для Жида столом, охотом, Жид — пущенными пропажами Жида в своем дневнике, каждый день путешествия, где подводные камни, мели, как будто проходили подъюнилья, а также сюжетами, и в то же время — сплошные события, если измерить факты не меркой их голности для «интриги», а их внутренней значительностью и новизной. Сюжетной линии могла быть поездка, как таковая, но как раз мелкие происшествия этого поезда — болезни, вынужденные возращения и т. д. — менее всего останавливают на себе внимание читателя, целиком поглощенное описанием той жизни, новизна которой доказалась для Жида столом, охотом, Жид — пущенными пропажами Жида в своем дневнике, каждый день путешествия, где подводные камни, мели, как будто проходили подъюнилья, а также сюжетами, и в то же время — сплошные события, если измерить факты не меркой их голности для «интриги», а их внутренней значительностью и новизной. Сюжетной линии могла быть поездка, как таковая, но как раз мелкие происшествия этого поезда — болезни, вынужденные возращения и т. д. — менее всего останавливают на себе внимание читателя, целиком поглощенное описанием той жизни, новизна которой доказалась для Жида столом, охотом, Жид — пущенными пропажами Жида в своем дневнике, каждый день путешествия, где подводные камни, мели, как будто проходили подъюнилья, а также сюжетами, и в то же время — сплошные события, если измерить факты не меркой их голности для «интриги», а их внутренней значительностью и новизной. Сюжетной линии могла быть поездка, как таковая, но как раз мелкие происшествия этого поезда — болезни, вынужденные возращения и т. д. — менее всего останавливают на себе внимание читателя, целиком поглощенное описанием той жизни, новизна которой доказалась для Жида столом, охотом, Жид — пущенными пропажами Жида в своем дневнике, каждый день путешествия, где подводные камни, мели, как будто проходили подъюнилья, а также сюжетами, и в то же время — сплошные события, если измерить факты не меркой их голности для «интриги», а их внутренней значительностью и новизной. Сюжетной линии могла быть поездка, как таковая, но как раз мелкие происшествия этого поезда — болезни, вынужденные возращения и т. д. — менее всего останавливают на себе внимание читателя, целиком поглощенное описанием той жизни, новизна которой доказалась для Жида столом, охотом, Жид — пущенными пропажами Жида в своем дневнике, каждый день путешествия, где подводные камни, мели, как будто проходили подъюнилья, а также сюжетами, и в то же время — сплошные события, если измерить факты не меркой их голности для «интриги», а их внутренней значительностью и новизной. Сюжетной линии могла быть поездка, как таковая, но как раз мелкие происшествия этого поезда — болезни, вынужденные возращения и т. д. — менее всего останавливают на себе внимание читателя, целиком поглощенное описанием той жизни, новизна которой доказалась для Жида столом, охотом, Жид — пущенными пропажами Жида в своем дневнике, каждый день путешествия, где подводные камни, мели, как будто проходили подъюнилья, а также сюжетами, и в то же время — сплошные события, если измерить факты не меркой их голности для «интриги», а их внутренней значительностью и новизной. Сюжетной линии могла быть поездка, как таковая, но как раз мелкие происшествия этого поезда — болезни, вынужденные возращения и т. д. — менее всего останавливают на себе внимание читателя, целиком поглощенное описанием той жизни, новизна которой доказалась для Жида столом, охотом, Жид — пущенными пропажами Жида в своем дневнике, каждый день путешествия, где подводные камни, мели, как будто проходили подъюнилья, а также сюжетами, и в то же время — сплошные события, если измерить факты не меркой их голности для «интриги», а их внутренней значительностью и новизной. Сюжетной линии могла быть поездка, как таковая, но как раз мелкие происшествия этого поезда — болезни, вынужденные возращения и т. д. — менее всего останавливают на себе внимание читателя, целиком поглощенное описанием той жизни, новизна которой доказалась для Жида столом, охотом, Жид — пущенными пропажами Жида в своем дневнике, каждый день путешествия, где подводные камни, мели, как будто проходили подъюнилья, а также сюжетами, и в то же время — сплошные события, если измерить факты не меркой их голности для «интриги», а их внутренней значительностью и новизной. Сюжетной линии могла быть поездка, как таковая, но как раз мелкие происшествия этого поезда — болезни, вынужденные возращения и т. д. — менее всего останавливают на себе внимание читателя, целиком п

ПОРТРЕТ ПИСАТЕЛЯ

О ЛЕОНДЕ ПАНТЕЛЕЕВЕ

Леонид Пантелейев является не только автором (совместно с Г. Бекиным) детской повести «Республика ШКИД», но и ее литературным героям. Он пишет не только о «разношерстной беспризорнице», но и о реальном «диффузивном» — Ленике Пантелейеве. Короче говоря, он часто пишет о себе в событиях, участники которых были сам. Уже из этого ясно, что у Леонида Пантелейева нет «захожего» отношения к беспризорнице и это тема для него — не проходная и не проходная.

Для сегодняшнего Л. Пантелейева, автора «Пакета», повести «Республика ШКИД» — уже пройденный этап. Однажды это не обновляет нас от ее очарования, так может помочь проследить художественный путь писателя.

Повесть эта, несмотря на некоторую растянутость и повторность эпизодов, несмотря на большую зачарованность автора блестящим жаргоном, имела большой успех.

Общепризнано, что дети больше всего не проходят человеку серости и незаметности. Обитатели ШКИД, например, «столкнулись тогда начинали ужасать своего товарища, когда находили в нем что-нибудь особенное... такое, чего нет у других». На этом ученое совершение категорического требование работ, приглашавших писателя за какую-нибудь свою чертити, и сделана повесть «Республика ШКИД». Автор «принимает» своих героям за характеров, а своих «поников» за то, «чего нет у других», т. е. проверяет их на глаза требовательного подростка.

Конечно, в жизни редко бывает так, чтобы каждый человек был застенчивым человеком, ибо если он застенчив и замятый, то и его «замятость» сразу же покажется странной. Но в литературе — особенно детской и юношеской — дело обстоит иначе. Там герой существует либо через события, либо через характер, и в этом смысле в повести особенно потрясающая глава о маленьком школьном ротвешнике Славоне.

Обитатели ленинградской Школы специального индивидуального воспитания им. Достоевского сокращенно перенимали ее в ШКИД. Переименовали по созванию со штабом — и этим самым блестяще озаглавили целый спектакль своей жизни.

Если настаивать на расширительном толковании понятий «штаб» и «штаб», то под первым можно устроиться на конспиратическую систему исправительного воспитания, методы возделывания советской власти на дефективных детей и борьбу с беспризорницей, а под вторым — дело обстоит иначе. Там герой существует либо через события, либо через характер. И в этом смысле в повести особенно потрясающая глава о маленьком школьном ротвешнике Славоне.

Несмотря на несколько дидактическое изображение советской «системы исправления», «Республика ШКИД», уже в силу контраста с сентиментальными повестями буржуазии, приходит необычайный эффект и дает представление о наших первых «карантинах» школьного возраста, причем это даже не совершенное изображениеказалось или Запада, или для нас, полно такого изысканного интереса, что книга по праву заняла место одной из лучших детских повестей.

Тема беспризорника, делающегося человеком, для Л. Пантелейева привнесла в повести все его последующие рассказы — «Портрет», «Письмо к президенту», «Часы» — ряд очерков для детей — романтические «Беседы в букинистической повести» — и «Пакет». Они из одного стручи. Но рассказы написаны склоннее и более зрело, чем повесть.

Во-первых, со стороны языка. Ибо как появляется в «Республике ШКИД» Леник Пантелейев? Он вместе с другим подростком входит во двор большого дома на Столлярном переулке. Двор был пуст, и лишь в ярко освещенных отцах прыгали

Молодой человек находит случайно в пещере, золотые слитки (может быть алмазы, можно медь). Что угодно, лишь бы подороже). Молодой человек вместо алмазов найти острова, тогда в действии вступают валюты. Можно открыть полюс, особенно, если это защищается премией, установленные хильдами миллиардерами, покровителями смелости своих приказчиков.

А потом удивляемо молодому человеку можно вернуться и на родину, получив в награду виллу, яхту, красавицу жену... Тогда.

А по-нашему, дело не в полюсе как рекордистской отметке. Полюс — деталь. Он на нас не уйдет. Гигантский комплексной залежей стоит перед нами целый плодовый материк, отмеченный на картах мира белым пятном полярного пака.

Эту крепость не взять ни удивительных налетом эскадрильи, ни подъемом лазутчика-одиночки. Этую крепость надо взять осадой, а осада — это план, и люди этой осады, и командиры ее должны быть особой настойчивостью, той, которую во всем мире называют настойчивостью большевистской.

Мой рассказ об одном из таких командиров.

Помнишь первую встречу с московской комната, где текли вагонного купа. Сунуки языки вздыхаются до половины окна. Открыть форточку — надо совершить восхождение на эти уступы. В комнате тепло, а на свежепромятых фотографиях, которые сохнут по столам, ливаясь и чеканами, пылают льды, заносит снегом полярных собак а из гумы мокрого капора смеется белозубой, в черных полярных очках человек с изденной морозом кожей.

— Извиняюсь за температуру, — говорит белозубый человек, — это мое полярное хозяйство. Оно еще не разобрано.

У человека очень мягкий, тихий голос, внимательные глаза под стеклами пенсии, он лысоват, и кожа его лица леопардически нежна.

Это — полярник Георгий Алексеевич Ушаков.

Американские репортеры называли его в заголовках статей — «Чемпионом Белого пакта».

Три года он был начальником острова Врангеля, изучил его и сделал наследственным пунктом, приживший к нему эскимосов.

Из книги «Славным завоевателям Арктики», выходящей в Союзгизе.

Большие несурзанные темы. На заднем дворе лягушка собака, пахло помоями... — Крик на лестницу, — тихо сказал Денька, картины не буде.

Потом его заставили в камере, испещренной надписями.

«Эзес сидел рассыпавши Семен Молоховых за мором».

Затем мы его видим подающим руку новичку Ельховскому:

— Будем слышими, — сказал он. — Станичники у нас зовут друзей. Будем друзьями, — идет?

Но так появляется в повести не только штаб Леника. Так появляется в литературе и писатель Леонид Пантелейев. Этим мы хотим сказать, что в «Республике ШКИД» еще не автор распоряжается блестяще жаргоном, а блестяще жаргон автором.

Повесть написана хорошим смыслом. Офицер в ней говорит доктору (понятно, через восприятие рассказчика): «Но только нельзя ли потропиться, господин доктор? Нельзя ли слегка посложить?». Другой герой в этой повести «бросает свой вышибший ремень». И справедливое требует сказать, что сказа о Л. Пантелейеве не самоуправствует, а находится под контролем здания и на службе зрителя. Он в данном случае является тем самым художественным средством, которое служит цели. А цель у Л. Пантелейева состоит в том, чтобы сюжетно увлекательно рассказать летом о гражданская войне.

Повесть написана экономно и весело. Она немножко напоминает «Военные кони» Н. Тихонова как со стороны своего скучного и не желания быть героям и бургундийских повестей. Но там это — «бездное дитя», согреваемое чувством какой-нибудь благородительности, высоконаной из пальца. Здесь же это реальный, склон социальных обстоятельств временно запущенный ребячок, на помощь которому приходит целое государство.

Во-вторых, со стороны сложности. Автор знает героя не только через характеристику, но и очень часто (в особенности в рассказе «Часы») через события. Герой его не просто существует, а и сопирает постыдно. Попадая в интернат для лейтенантов, герой «Часов» имеет только одно горячее желание —бежать. Желание это тем более сильно, что у него в кармане лежат украинские золотые часы. Эти часы он же благородного момента, научился изображать их, причем язык его от этого не обнене, а разбогатеет.

Что отличает ее от бесчисленных «школьных» повестей западной литературы? Прежде всего отношение к героям. Конечно, беспризорный мальчик может быть героям и бургундийскими повестями. Но там это — «бездное дитя», согреваемое чувством какой-нибудь благородительности, высоконаной из пальца. Здесь же это реальный, склон социальных обстоятельств временно запущенный ребячок, на помощь которому приходит целое государство.

Западного читателя и педагога в повести Л. Пантелейева больше всего поразило то, что эта своего рода история «курсы», из которой воспитанники выходят не искалеченными на всю жизнь, как у Покалонского, а полноценными, счастьем и счастьем, либо через характер, а в этом смысле в повести особенно потрясающей главе о маленьком школьном ротвешнике Славоне.

Обитатели ленинградской Школы специального индивидуального воспитания им. Достоевского сокращенно перенимали ее в ШКИД. Переименовали по созванию со штабом — и этим самым блестяще озаглавили целый спектакль своей жизни.

Если настаивать на расширительном толковании понятий «штаб» и «штаб», то под первым можно устроиться на конспиратическую систему исправительного воспитания, методы возделывания советской власти на дефективных детей и борьбу с беспризорницей, а под вторым — дело обстоит иначе. Там герой существует либо через события, либо через характер. И в этом смысле в повести особенно потрясающая глава о маленьком школьном ротвешнике Славоне.

Несмотря на несколько дидактическое изображение советской «системы исправления», «Республика ШКИД», уже в силу контраста с сентиментальными повестями буржуазии, приходит необычайный эффект и дает представление о наших первых «карантинах» школьного возраста, причем это даже не совершенное изображение, а само тема исправительно-трудового перелета человека, уже захватила его вилотную, и есть все данные думать, что в ближайших же его веерах «шкеры» — с опасностью и премятствиями; с героями и подвигами — вились превосходной повестью для подростков «Пакет».

Повесть эта читается «с один присест» и рекомендует Л. Пантелейева как прекрасного рассказчика. Как бы в ответ на задания Магнитогорска и Москвы, Петровцовья на Камчатке в Ростове на Дону, недавно подъехавших С. Маршаком («Дети отвечают Горькому», «Правда», № 135 от 18 мая): «Дайте, не описывайте захватывающие истории, а пишите языком, как языком».

Сейчас Л. Пантелейев переключился на тематику гражданской войны и как бы в ответ на вдущие со временем историю рассказы — «Портрет», «Письмо к президенту», «Часы» — ряд очерков для детей — с опасностью и премятствиями; с героями и подвигами — вились превосходной повестью для подростков «Пакет».

Повесть эта читается «с один присест» и рекомендует Л. Пантелейева как прекрасного рассказчика. Как бы в ответ на задания Магнитогорска и Москвы, Петровцовья на Камчатке в Ростове на Дону, недавно подъехавших С. Маршаком («Дети отвечают Горькому», «Правда», № 135 от 18 мая): «Дайте, не описывайте захватывающие истории, а пишите языком, как языком».

Сейчас Л. Пантелейев переключился на тематику гражданской войны и как бы в ответ на вдущие со временем историю рассказы — «Портрет», «Письмо к президенту», «Часы» — ряд очерков для детей — с опасностью и премятствиями; с героями и подвигами — вились превосходной повестью для подростков «Пакет».

Через слухам в приложении Л. Пантелейев показывает царство, умея быть при этом увлекательным от начала до конца. Он имеет в этой повести то самое обобщение с фактами гражданской войны, которое превращает ее в обобщение, классово осмысливающее перед юной аудиторией в героях и войну.

П. НЕЗНАМОВ.

С. ТРЕТЬЯКОВ

Георгий Ушаков

ПИСЬМО А. М. ГОРЬКОГО КОЛХОЗНИКАМ

Колхозники Троицко-Лыковского колхоза Кунцевской МТС, перенесавшие свой колхоз в колхоз им. Максима Горького, послы Алексея Максимовича Горькому письмо.

В ответ на свое письмо колхозники получили от Алексея Максимовича письмо следующего содержания:

Дорогие друзья мои!

Очень обрадовало меня ваше письмо, хотя размолвки мы: Марии-то Сидоровой под 80, — в письме вашем звучат единогласно молоды, как будто хор юношей, девушки пропел его.

Такие письма напоказников, гордых успехами своей работы, импозантных работ, помнящих, что колхозный труд действительно способствует крестьянству от его каторжной жизни в прошлом, — такие сплавные письма я получаю все чаще, и они меня тоже оживляют, наполняют силой и желанием делать для вас все, что умею делать.

В июле месяце появится новый журнал для вас, в нем буду звать не беседовать с вами о делах прекрасной жизни, которую вы начали строить и скоро построите. А до той поры непременно побывав у вас этим летом, познакомимся, побеседуем.

До свидания! Крепко жму ваши трудовые, умные руки. Желаю вам еще больше сил и бодрости духовной.

Максим Горький.

17 июня 1934 г.

Гравюра на дереве художника Е. Буркунина

И. ДОРОНИН

КНИГИ

„ПОИСКИ ОТЕЧЕСТВА“

С. ТРЕТЬЯКОВ

В этой повести взята трудная и обаятельный тема, на которую уже написано достаточно много поэтических произведений.

Из них повесть без особых широт, умеренно образный, но не поднимавшийся над темповерхностью, которой у нас владеет сейчас любой опережающий.

Но всегда убедителен главный герой повести — Томас Хорн: места-

ми его переживания явно драмы не в развитии, а в смене готовых драматических состояний.

Язык повести без особых широт, умеренно образный, но не поднимавшийся над темповерхностью, которой у нас владеет сейчас любой опережающий.

МТП, 1934, стр. 259, тираж 5 200, ц. 4 р. 50 к.

П. МАЙЗЕЛЬ. „ПРОРВАННЫЕ СЕТИ“

Тема книги — борьба кулака с комсомольским активом эстонской деревни в Сибири. Автор подробно и добросовестно рассказывает о том, как кулаки склоняют на свою сторону преселателя сальюсова, беляков и большинства комсомольской ячейки, прибывающей для этого в сибирские деревни.

Резонерские тенденции автора склоняются не только в отступлениях, но и в самом стиле повести. Не доверяя силам читателя, Майзель все время вспоминает грядущий гонимый

мира, вспоминает о перенесенном ими его переживаниях.

Очевидно, для того чтобы спасти газетную сухость разговоров, в повести введенены эротические эпизоды.

«Прорванные сети» — еще одна первая повесть, которая без всяких претензий на художественность, которой у нас владеет сейчас любой опережающий.

П. Майзель со стенографической старательностью.

Несмотря на все это автору не удалось первые сети той колхозной литературы, которую критика берет в пропагандистские новинки. Майзель не сумел перенести грани, отделяющие историческую перспективу: времена действия повести, растянутого в основном на добрых десяток лет, можно определить иногда только при помощи гонимых годов.

Несмотря на все это автору не удалось первые сети той колхозной литературы, которую критика берет в пропагандистские новинки. Майзель не сумел перенести грани, отделяющие историческую перспективу: времена действия повести, растянутого в основном на добрых десяток лет, можно определить иногда только при помощи гонимых годов.

Несмотря на все это автору не удалось первые сети той колхоз

ЗАВТРА ОТКРЫВАЕТСЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ЛАТЫШСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

По сравнению с другими национальностями нашей великой страны советская латышская литература имеет специфические трудности, заключающиеся в том, что латышские массы трудающихся не имеют своего территориального обединения. По всему Сомому рассеяны латышские крестьянские колонии, на всех почтах заводах и предприятиях работают отдельные латышские пролетари. Основная масса латышского пролетариата находится по ту сторону советских границ, в Белоруссии, под армиями французской диктатуры.

Буржуазные идеологии Латвии пытаются уверить, что только они являются носителями национального просвещения культуры. Но при конкретном рассмотрении этот «расцвет» выглядит очень печально: буржуазное художественное в Белоруссии, кое-где национальную культуру до полного упадка. Печать лекалана лежит на всей буржуазной латышской культуре. Писатели с большими именами прошлого не могут дать там больших работ.

При ужасающей терроре на культурном фронте, все время поддерживаемом латышской социал-демократией, ростки революционной литературы не имели хоть сколько-нибудь возможных условий для развития. При своем появлении на свет они безжалостно срезались цензурой. Запрещены левые литературные журналы «Левый фронт», «Трибуна». Пролетарский писатель Линард Дайнарс вынужден был эмигрировать в СССР.

И вследствии в Белоруссии существует революционная литература! Об этом свидетельствует недавно изданная латышской комиссией МОРП писательский сборник «Пролетарская Латвия», в котором представлена молодая латышская пролетарская литература.

Боевые латышские советские писатели? Почти все они связаны с походами латышских стрелков, прошли супоровую школу гражданской войны. Таковы Эйдеман, Пелеканс, Цеплис, Ионуки, Шиллер, Надинис.

ЛИТЕРАТУРА НА РУБЕЖЕ ВОСТОКА

ПЕРВАЯ БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ КНИГА

ТАШКЕНТ. (Наш. корр.). По предложению книжной палаты РОСФСР среднеазиатская государственная библиотека разработала к всесоюзному съезду писателей библиографию литературы трех республик: Узбекистана, Туркмении и Таджикистана.

Тысячи карточек этого пока еще далеко не полного указателя выразительно запечатлевают путь от манифеста буржуазно-националистического «Чагатай-Гуруни», пытающегося превратить литературу в орудие в глашатая идей национализма («В этой группе работают писатели, которые больше всех плачут о том, что тюркский мир разрушается в разоре») до работы группы «Чагатай-Гуруни» направляемой на общую пользу тюркского мира, — писали с заивленной откровенностью авторы декларации, во алманахе «Литературный Узбекистан», подводящем итоги консультации узбекской литературы как литературы социализма и отражающей поговорок в сторону пролетариата старой писательской интеллигенции (Фитрат, Эльбек, А. Надир). Этот путь развития с неизлечимыми отклонениями характерен и для Туркмении и Таджикистана.

Указатель, демонстрирующий бурный рост книжной пропаганды, раз-

литературный Узбекистан

литературный Узбекистан

литературный Узбекистан

Грозный, Бирой, Симан Бергис и др.

С полным правом на основе анализа конкретных фактов всесоюзной конференции латышских писателей может констатировать свое превосходство над белорусской литературой.

Но в то же время нужно подчеркнуть, что в развитии и росте латышской советской литературы имеются большие трудности. Она отстает по размаху и качеству своих произведений от лучших образцов русской советской литературы. Очень и очень немногие из советских латышских писателей имеют возможность работать как писатели-профессионалы. Материальная и издательская база латышских писателей еще чрезвычайно ограничена.

Советская латышская литература тесно связана с темами строительства нашей страны и социалистической переделки человека. Большое место в ней занимают также темы борьбы латышского пролетариата и братства в прошлом, события савдного 1905 года в Латвии, бои латышских стрелков и гражданской войны.

Но нужно признать, что творческая активность латышских писателей была до последнего времени недостаточно развита. Одна из причин — это то, что после ликвидации РАПП, куда входили все латышские советские писатели, перестройка латышских писательских организаций происходила чрезвычайно медленно.

И только в последние времена созданные по инициативе правительства «Проектом» совещания латышских писателей, перестройка работы журнала «Целтиз» намечают полноценный переход в работе писателей.

Последнее совещание латышских писателей поставило ряд творческих вопросов, связанных с проблемой социалистического реализма. В центре внимания были вышедшие недавно произведения: роман Цеплиса «Батраки», сборник рассказов Линарда Лайнена «Портфель и петля», драма Калакис-Гроэн и Эйдука «Стрелки повернули винтовки», роман Симана Бергиса «Пионеры Севера».

В области поэзии нельзя удовлетвориться теми достижениями латышской литературы, которые имеются, главным образом, в плане тематическом. Пастостих властел вопрос о мастерстве, об изживании схематизма и газетной лозунговости, о расширении жанров поэзии, о приближении латышской поэзии к широким читательским массам.

Основные локалы на предстоящей конференции — о состоянии советской латышской литературы (докладчики П. Винкс), о драматургии (докладчики Э. Фрос), о поэзии (докладчики Е. А. Запровская), о критике (докладчики Ю. Аниль) должны показать пути разрешения этих вопросов, развернуть обсуждение основных проблем социалистического реализма.

Конференция латышских советских писателей, проработав творческие вопросы своей национальной литературы, может дать богатый материал при обсуждении основных проблем, поставленных на всесоюзном съезде писателей.

А. ЗАПРОВСКАЯ.

Конференция латышских советских писателей, проработав творческие вопросы своей национальной литературы, может дать богатый материал при обсуждении основных проблем, поставленных на всесоюзном съезде писателей.

А. ЗАПРОВСКАЯ.

А. ЗАПРОВСКАЯ.